

355605

H 60

НИ ШАГУ НАЗАД!

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов 1942

В сборнике помещена передовая «Правды» от 5 августа 1942 г. «Преградить дорогу врагу» и опубликованные в центральных газетах очерки и стихи о стойкости и героизме воинов Красной Армии.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Преградить дорогу врагу!	3
Иосиф Уткин. Клятва :	9
Алексей Толстой. Ни шагу назад!	10
Борис Горбатов. Пяль родной земли	12
Перец Маркиш. Убей убийцу!	24
Политрук Андреев. На что способен один взвод	27
Алексей Сурков. Песня отпора	31

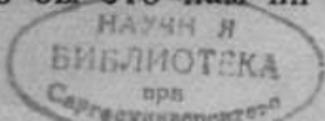
Преградить дорогу врагу!

Ни шагу назад!—таков призыв Родины ко всем командирам, красноармейцам и политработникам, таково требование ко всем, кому дороги интересы нашей Родины.

Чтобы выполнить это требование, надо упорно, до последней капли крови, до последнего дыхания защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок родной земли и отстаивать его до последней возможности. Ни шагу назад без приказа высшего командования — таков железный закон дисциплины для каждого командира, красноармейца и политработника. Удержать свои рубежи, стойко сражаться за каждую пядь советской земли, сломать вражеский натиск—значит обеспечить последующий разгром гитлеровских захватчиков, обеспечить победу Родины.

Воины Красной Армии и Военно-Морского Флота! Советская Родина, советский народ смотрят на вас, как на силу, способную остановить продвижение врага к Волге и Кубани, как на силу, способную отбросить и разгромить врага, как на силу, способную завоевать победу, чего бы это нам ни стоило.

355605

Товарищ Сталин нас учит—победа не приходит сама, ее завоевывают. Победу на войне нужно завоевать в ожесточенных сражениях с применением в широких размерах современной военной техники и военного искусства.

Враг не так уж силен, как это кажется некоторым потерявшим перспективу паникерам. Немецко-фашистские захватчики напрягают последние силы, пускают в ход последние резервы. Не считаясь с большими потерями, они лезут вперед, рвутся в глубь Советского Союза, стремятся захватить новые богатые хлебом и промышленностью районы. Выдержать их удары сейчас, в ближайшие несколько месяцев—значит обеспечить за нами победу.

Мы можем, мы должны выдержать удары врага! Мы можем, мы должны отбросить его на Запад! Мы можем, мы должны обеспечить победу! Наша страна—единый военный лагерь. Самая жизнедеятельная часть населения стала под ружье, проникнутая стремлением во что бы то ни стало защитить свою Родину, победить ненавистного врага. Наши фабрики и заводы в тылу работают прекрасно. Благодаря их работе фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Красная Армия имеет закаленные в боях кадры командного состава. Перед ними стоит задача—умело использовать предоставляемую

Родиной в их распоряжение технику, выжать из нее все до дна для борьбы с врагом, для организации победы над ним.

Опыт великой отечественной войны подсказывает, как велика роль командира, организующего бой и доводящего его до успешного конца. Там, где командир является примером дисциплины и организованности, где его военное мастерство систематически передается бойцам, где его стойкость, непоколебимая воля служат образцом мужества и отваги,— там нет места нарушителям дисциплины, нет места трусам и паникерам, нет места неустойчивым бойцам. Там, где командир не является примером дисциплины и организованности, где он не учит систематически своих подчиненных, не воспитывает в них дух стойкости,— там, как правило, нет порядка, нет дисциплины, нет организованности и сплоченности, нет достаточной боеспособности.

Опыт войны свидетельствует, что мы располагаем такими кадрами командного состава Красной Армии, которые, стоя во главе частей и подразделений, могут обеспечить выполнение требований Родины, могут завоевать победу над ненавистным врагом.

Командир роты младший лейтенант Меняйлов получил боевой приказ—вышибить немцев из деревни, лишить их удобного пункта, где они готовили наступление. Задача была сложная. Противник занимал деревню силами

больше роты. Выйдя на передний край нашей обороны, тов. Меняйлов лично исследовал расположение деревни, подступы к ней. Он составил подробный план местности и ознакомил с ним командиров взводов. Под руководством командира батальона было проведено несколько дневных и ночных тактических занятий роты.

Проведенная таким образом подготовка и строгое выполнение всех требований командира дали возможность с полным успехом выполнять боевую задачу. Ни проливной дождь, ни минное поле, которое пришлось преодолевать роте, ни сильный огонь врага, — ничто не остановило храбрых воинов. С разных сторон бойцы роты ворвались в деревню, забрасывая дома гранатами. Атака была настолько стремительной, что противник не смог организовать длительного сопротивления, хотя и имел больше сил. Немцы, зажатые в клещи между наступающими взводами, вынуждены были удрать в лес, бросая оружие и боеприпасы. Рота, овладев деревней, немедленно закрепилась, окопалась, продолжала вести неослабное наблюдение за противником. И, когда немцы открыли по деревне артиллерийский и минометный огонь, который продолжался около суток с небольшими перерывами, бойцы выдержали его с минимальными потерями.

Хорошее командование ротой тов. Меняйлова, высокая боевая активность бойцов, дисциплинированность и готовность преодолеть все трудности обеспечили успех дела.

Таковыми должны быть все наши пехотные командиры.

Танкист майор Холко получил приказ занять оборону и не допустить противника к важному населенному пункту. Враг имел численное превосходство. Тов. Холко решил организовать несколько неподвижных засад с задачей встретить противника внезапным огнем, расстроить и нанести контрудар силами подвижного резерва. Танкисты, совершив 70-километровый марш, вышли в район обороны. Исходя из поставленной задачи и из учета местности, майор приказал расставить несколько средних и легких танков на площади в несколько километров по фронту и в глубину группами по несколько танков, закопав их в землю и замаскировав. В нескольких километрах расположился подвижной резерв средних и тяжелых танков. Они также были укрыты в землю. Между танками засад и резерва расположились автоматчики и артиллеристы. В течение двух дней немцы предпринимали несколько атак на оборону, организованную тов. Холко, но успеха не имели. Они оставили на поле боя 104 подбитых машины и отступили в глубь своего расположения. Танкисты под командованием майора Холко стойко и

умело отражали попытки противника. Они, несмотря на численное превосходство неприятеля, ни пяди не уступили врагу, нанесли ему большие потери в живой силе и технике и вынудили к отступлению.

Хорошее командование майора Холко, высокая боевая активность танкистов, дисциплинированность, стойкость и готовность преодолеть все трудности решили успех дела.

Таковыми должны быть все наши командиры-танкисты.

В ходе войны Красная Армия пополнилась боевыми командирами, закаленными в сражениях. Сегодня публикуется постановление Совета Народных Комиссаров о присвоении воинских званий высшему начальствующему составу Красной Армии. И среди старшего, среднего и младшего начальствующего состава Красной Армии есть очень много командиров, которые стали подлинными мастерами военного дела, волевыми, стойкими командирами, умеющими приказывать и требовать точного выполнения приказов, требовательными к себе и к подчиненным. Они могут и должны повести дело так, чтобы Красная Армия добилась осуществления своей высокой освободительной миссии — разгрома немецко-фашистских мерзавцев и их сообщников.

Враг должен быть и будет остановлен!
Враг будет отброшен на Запад! Враг будет разгромлен!

К л я т в а

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мертвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам!

Клянусь, мы будем квиты
С врагом... Даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед!

А если я нарушу
Ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,

Суровой мерой мерьте
Позор моей вины:
Пусть покарает смертью
Меня закон войны!

Иосиф УТКИН.

Ни шагу назад!

Как может красноармейское сердце терпеть далее то, что немец наступает, а мы продолжаем отдавать ему нашу землю, наши города и села, обрекать наших детей, жен и матерей на жестокие муки и горькое посмешище!

Верховное германское командование торопится упредить неизбежные, страшные ему, события. Оно пытается захватить как можно больше советской земли и воспользоваться не им посеянным хлебом на Дону и Кубани и этим еще раз подхлестнуть настроение у себя в тылу и на фронте; у Гитлера доверчивых дураков еще много, и вагоны с советской пшеницей, несомненно, вызовут взрыв торжества у людей с голодными болячками на губах.

Германский тыл смотрит на каждого своего солдата как на добытчика: он-то уж привоюет и хуторок с мельницей и пшеничным полем, и в Берлин пригонит рабынь — славянских девушек, не пропустит ни куска сала, ни хвоста вяленой рыбки, аккуратно упакует для посылки одеяло с пуховой подушкой, и казачьи суконные шаровары, и сдернет с казачки юбку и кофточку, и залезет в ее сундук, вытерев кровь со своей лапы.

Гитлеровские солдаты идут на добычу. Они прут: они понимают, что неотделимо связаны с Гитлером и всей фашистской Германией

общностью кровавого преступления, — они боятся суда больше, чем смерти.

Германское командование намеревается вырваться к богатейшим районам нашей страны, к хлебу и нефти.

Тогда немцам уже не понадобится зарывать свои танки, тогда фашистские пикировщики с командами безусых, белобрых мальчишек, жадных до убийства, снова и снова будут бомбить и жечь наши города и селения, все, что попадет им в окуляр стереотрубы; будут гоняться за одиночной машиной, подстреливать из пулемета путника на дороге, девочку с лукошком грибов или 14-летнего кормильца в отцовском жилете ниже колен, пропахивающего картошку вместе с меньшим братишкой, который ведет лошадь по борозде. Сейчас и не позже, в эти дни, сегодня каждый воин Красной Армии должен сказать своей совести: Стой! Ни шагу назад! Стой, русский человек, врати ногами в родную землю.

Священную ненависть, жгучее томление отомстить врагу за все его кровавые дела надо соединить с упорством. Упорство всего красного фронта, всех частей и всех родов оружия, всех воинов — от генерала до еще необстрелянного красноармейца, встречающего гранатой набегающий танк, — вот обо что должна в кровь и смерть разбиться наступающая фашистская армия.

Могучее, богатырское русское упорство в обороне и встречном бою, в контратаках и в наступлении, на земле и в воздухе, — вот знамя Красной Армии.

Преклоняя колени, целуем край нашего святого знамени, клянемся — не выдать земли русской, не отступить более ни на шаг.

Больше нельзя оглядываться на наши необъятные просторы и думать, что у нас еще очень много земли, куда можно попятиться, собираясь с силами. Силы собраны, взор во взор — пусть немец опустит глаза, в которых ужасом мелькнет тень смерти. Немцев должно остановить. Перед силой русского оружия упадут фашистские знамена.

Алексей ТОЛСТОЙ

Пядь родной земли

1.

Товарищ!

Задумывался ли ты когда-нибудь над этими простыми словами: «пядь родной земли»?

Мы стоим сейчас в большом и протяженном селе, полсвина его — наша, половина — немецкая, церковь, разрушенная снарядом, — ничья.

Давно уже нет жителей в этом селе, и хаты побиты рикошетами, и огороды ископаны во-

ронками, и улицы днем пустынно; только люди ходят по селу, стучатся о ставни да бойцы изредка перебегают от хаты к хате, прижимаясь к плетням.

Но каждую ночь на огороде, на нашем краю села появляется эта женщина с тлякой. Никто не знает, где прячется она днем, откуда приходит ночью. Ей сурово говорят бойцы: «Эй, тетка, ты зачем тут?»—а она молча показывает на огород. Там, наперекор войне, серебрится капуста, буйно цветет картошка, тянутся к небу три подсолнуха.

И всю ночь напролет ползет по огороду эта женщина, пропалывает грядки, и стук ее тляки тонет в артиллерийском громе. Иногда над ее огородом, свистя, пролетает снаряд или мина рвется где-нибудь, неподалеку. Тогда женщина всем телом прижимается, приныкает к земле и лежит, обняв грядки руками, словно хочет своим телом прикрыть и спасти дрожащие листья капусты. А когда пыль рассеивается,—женщина снова начинает возиться на огороде,—ползком, ощупью; пропалывает грядки, бережно расправляет листочки, побитые осколками, охаживает каждый кустик, словно ребенок, раненного бомбой—и кровь раздавленных помидоров на ее руках.

Так всю ночь работает она на огороде,—на крохотной пяди советской земли, а когда забрезжит рассвет и на востоке дрогнет алая полоска зари и поползут по небу солнечные

штыки лучей, — подымается женщина. Распрямляет усталую спину. И, откинув со лба седую мокрую прядь, стоит, опершись о тяпку, и смотрит на запад — над западом еще клубятся ночные тучи. Так стоит она долго, прислушивается к артиллерийскому грому, и в глазах ее, товарищ, столько тоски и горя, что тяжело в эти глаза смотреть. Губы ее шевелятся. Что они шепчут? Молитвы, проклятья, заклинания?

А я гляжу на эту женщину, на ее седые виски, на морщинки под глазами и думаю: велика наша страна, и широки ее просторы, а стоит нашей роте отступить на один шаг, на одну пядь, и пропад огород этой женщины, немцы его растопчут.

И тогда я оборачиваюсь назад, и там, за холмами и рекой, угадываю село, куда нас, бывало, отводили на отдых.

Ты знаешь эти прифронтовые села, товарищ. Ты знаешь там каждую хату, и хозяев их, и семейные фотографии в рамочках из ракушек, и историю каждой фотографии, и нарисованные масляными красками дешевые коврики на стене и что на них нарисовано. Ты приходил в эти хаты со своими товарищами; пыльный, грязный, усталый, ты стучался у порога, словно пришел домой, на побывку.

И женщины встречали тебя, как сына и брата. «Все живы, здоровы? — тревожно спрашивали они, — А где Вася, что ночевал у нас

прошлый раз?» — «Вася ранен». — «Ой! Сильно?» — «Нет! — утешал ты, — воевать будет!» — и спрашивал в свою очередь: «А у вас? Письма были от вашего?» — и тебе показывали письма, и ты читал их вслух, солдатские, простые, беглым карандашом написанные письма, такие, как ты сам пишешь домой.

А потом тебя радостно вели в хату. Вся вода хуторских колодцев обрушивалась на тебя, чтоб смыть походную пыль. Все перины, подушки, заветные наволочки с кружевами, невестины простыни вытаскивались из сундуков, чтоб служить тебе. На резную, деревянную кровать клали тебя, как самого дорогого гостя. И пока ты спал, женщины стирали твою соленую от пота рубаху и тихо, чтоб не разбудить тебя, грустно пели.

«Вот и наш так где-то воюет!» — вздыхали женщины и показывали тебе карточку «нашего» в рамочке из ракушек. И с этой карточки глядело на тебя незнакомое и как будто очень знакомое лицо, словно это был товарищ из соседнего взвода: такая же пилотка, сдвинутая на правое ухо, тот же расейский нос, и честные, простецкие глаза, и веснушки, как звезды... И за долгие месяцы войны стали тебе эти прифронтовые села второй родиной, и старушка в подслеповатой хате — словно вторая мать, и дивчата — как сестры, и босонюге, синеглазые ребятишки — точно родные

дети. И не раз, глядя на них, думал ты расстроганно: «Вот и мои где-то так...».

Но стоит тебе и твоей роте, товарищ, отступить на один шаг, одну пядь нашей земли отдать врагу,—и немец ворвется в это село, чтоб грабить, жечь и убивать. У знакомого плетня, под вишнями, он расстреляет старушку за сына-красноармейца; знакомую тебе карточку в рамочке из ракушек, озоруя, изрешетит пулями; дивчат, которых ты целомудренно звал сестрами, изнасилует; босоногих ребят, твоих приятелей, продаст в рабство; село разорит, испакостит и взберется с грязными солдатскими сапогами на резную, деревянную кровать,—на твою, кровать, товарищ!—чтоб сыто храпеть среди чужого ему горя, слез и стонов.

На Дон я гляжу теперь, на тихий и вольный Дон, и там, в дыму и пламени, вижу Ростов, многострадальный Ростов, славу нашего фронта.

Забыл ли ты Ростов, товарищ, и ноябрьские дни, и лед на донских переправах, и виселицы в Ростове, и над тротуарами синие ноги повешенных? Забыл ли ты, как встречали нас—избавителей—мученики Ростова, и как бежали немцы, и вкус и запах победы, и сияние воинского счастья?...

А мне вспоминается старушка в ветхой шубенке. Как бежала она за нами по тротуару, как, задыхаясь, кричала: «Деточки! Деточ-

ки!»—и, добежав, сунула мне в руки какую-то баночку.

— Что это? — удивленно спросил я.

Но она ничего не могла объяснить, только повторяла:

— Деточки! Деточки!

И я взял эту баночку — пузатую, какого-то старомодного вида, теперь не делают таких, — и на ней увидел ярлык. Старческим, аккуратным почерком было написано: «Гусиный жир. Смазывать в морозы нос, щеки и лоб».

Спасибо, бабушка! Мои ребята до дна использовали твою баночку. Гусиный ли жир, твоя ли материнская ласка согрели нас, но зимой у нас обмороженных не было.

И теперь, когда я вижу, как горит Ростов, мне вспоминается эта старушка, похожая на мою мать. Как бежала она за нами... Как крестила нас вслед мелкими-мелкими крестиками... И провожала долгим взглядом. А мы уходили по таганрогскому шоссе, навстречу новым боям.

Да, товарищ, велика наша родина и широки ее просторы, но нет у нас клочка земли нелюбимого, пяди земли недорогой. Здесь каждый вершок полит кровью отцов и дедов, соленым трудовым потом, горячей слезой. И на каждом клочке живут и трудятся родные люди. И за каждый вершок земли больно. И за каждый пустырь охота драться. И за каждое село глотку готовы мы перегрызть врагу.

Оглянись назад, товарищ,—родные села за твоей спиной, привольные донские степи, кубанские пшеничные просторы, и снежные гребни Кавказа, и черные вышки Баку... Ни шагу назад, товарищ! Ни пяди врагу! Ни пяди!

2.

Товарищ!

Мы деремся с тобой на родной земле, и донские степи — друзья нашей юности, и Северный Донец — река нашего детства.

Но вот рядом со мной дерутся узбек Аскар Шайназаров, и таджик Шотманбай Курбанов, и Хачик Авакьян из Армении, и Лаврентий Микава из Грузии, и азербайджанцы Исса Карджиев и Магарем Алиев — приятели из Шамхора. Они пришли сюда с кавказских гор и среднеазиатских степей драться за мой Донбасс и за твой Дон, товарищ. Не долго оставалась для них чужой наша природа. Они осмотрелись, привыкли и полюбили пропахшие порохом и польною наши степи. Скоро они говорили: «Э! И у нас такой бугор есть. И у нас такой камень есть. И у нас такой сад есть. Только у нас — сад больше. Га! Персик у нас, апельсин у нас... А тут вишня... ничего... Вишня тоже сладкий фрукт... Дон — тоже прохладная река...».

И теперь казались грузину холмы и скалы донецкого края отрогами кавказских гор, и теперь казались узбеку пыльные донские сте-

ли продолжением бескрайних, знойных, солончаковых среднеазиатских просторов. И Дон стал для них Курюю, Тереком, Аму-Дарьей, как для украинцев Дон стал Днепром, для белоруссов—Березиной, для уральцев—Камой, для сибиряков — Енисеем.

И люди в донских хуторах и станицах, в донецких поселках и городах были все те же простые, родные, советские люди, ласковые к другу, лютые к врагу.

И земля у нас общая — дорогая, заветная, советская земля.

И враг у нас общий — злобный, ненавистный, проклятый враг.

...И когда вступал в партию Аскар Шайназаров, рекомендовать его вызвались трое: русский, украинец и еврей—его боевые товарищи. Потому что нет на земле братства более кровного, чем братство в бою. И нет друга верней и надежней, чем тот, с которым ты под одной шинелью спал, под одним дождем мок и в бою бился рядом.

...И когда санитар таджик Шотманбай Курбанов выносил раненых с поля боя, он не спрашивал их, какого они роду и племени, земляки или нет. Он просто подставлял свою могучую широкую спину и бережно нес их из огня боя навстречу жизни, как несут самого дорогого друга.

...И чтоб Хачик Авакьян не скучал и родного языка не забывал,—его русские друзья по

окопу приносили ему армянские книги и газеты. Они говорили: «Читай, Хачик, читай нам вслух. Ничего». И он им читал, и они радовались, узнавая знакомые имена и слова, потому что на всех языках «Сталин» и «коммунист» звучат одинаково.

...И когда на хутор, коварно и неожиданно, глухой ночью ударили немцы, шесть человек стойко стали на защиту родного клочка земли. И эти шестеро были: грузины Микава и Тевлорадзе, украинец Дубовик, азербайджанец Гусейнов, русский Штрихунов и веселый комвзвода Соселия, дирижер самодеятельного оркестра, в котором русская балалайка в лад пела с грузинским чонгари.

Они стали, эти шестеро, железной стеной, и ночь была глухая, и бой горячий, путанный, и тогда, чтоб бить врага вкруговую, стали шестеро спиной к спине, и спина грузина Лаврентия Микава тесно прижалась к спине Дубовика, а Штрихунов всей кожей почувствовал жаркую спину Гусейнова. Так они дрались, отстаивая хутор, и не было в этот миг для них земли родней и дороже, чем эта пыльно пропахшая степь. И Лаврентий Микава бился за донской хутор и знойный Азербайджан, а Дубовик — за донской хутор и за истерзанную Украину, а Штрихунов — за донской хутор и за Россию-мать и все вместе — за советскую родину.

...И не было на всем нашем фронте война более славного, более любимого, чем разведчик Сираджитдин Валиев, узбек из Ферганы.

На его родине, в золотой Фергане, вода журчит в прохладных арыках, а драться Валиев пришел за мой пыльный и дымный Донбасс.

На его родине, под кипарисами, мирно спят его предки, а умер Сираджитдин Валиев в бою подле шахты и там похоронен.

355605
Вся дивизия плакала, когда хоронили Валиева. Таманцы, железные воины, не скрывали своих слез. Полковник плакал, комиссар вытирал глаза. Но горче всех плакала маленькая штатская старушка: у нее на квартире жил Валиев, и она называла его своим третьим сыном.

Она показала нам карточки двух других, и мы увидели широкоплечих, рослых донских парней, и волосы у них были светлее ржи, и глаза синее неба. Вот какие у нее были сыны, товарищ, дрались они где-то на Западном. Но никто из нас не удивился, что третьим, названным, сыном она признала невысокого, смуглого узбека, с черными волосами и глазами, как горячие угли. Да, он был ей сыном, этот пламенный узбек, и хорошим сыном, товарищ,—он славно дрался за мать!

Товарищ! Ты любишь родину так, как любил ее Сираджитдин Валиев. Он дрался за советскую землю, и каждую пядь земли, за кото-

рую он дрался, он считал родной. И отдал за нее жизнь.

Мы не забудем Валиева. Мы никому не позволим его забыть! Отшумит война, зарубятся раны, задымят заводы, и люди освобожденного Донбасса благодарно вспомнят Сираджитдина Валиева, парня из далекой Ферганы.

Русские, украинцы, грузины, узбеки, мы станем на Дону железной стеной, как стояли те шестеро ночью в донском хуторе, станем спина к спине, чтоб бить врага вкруговую, чтоб чувствовать жар товарища, и свяжем себя великой, воинской клятвой: ни шагу назад, товарищи! Ни пяди земли врагу! Ни пяди!

3.

Товарищ!

Разве не слышишь ты, как стучится месть в твое сердце? Спроси свою совесть: разве расквитался ты с немцем? Разве простил ты им замордованную Украину? Заплатил за взорванный Донбасс? Отомстил ли полной мерой за виселицы в Ростове, за руины Киева, за муки Таганрога, за слезы наших жен, матерей, детей?

Не оглядывайся назад, товарищ! Нам отступить нельзя. Смотри вперед. Видишь, снова ползет на нас лавина проклятых гадов. Слышишь, снова в ушах лязг их гусениц. Снова настали грозные дни. Чтож, мы не боимся пороха!

Теперь мы с тобой, товарищ,—воины Красной Армии, наследники севастопольской славы. На нас теперь с надеждой смотрит вся Родина. Здесь, на донских полях, решается судьба войны. Будем же, как севастопольцы, стойко стоять стеной!

И как для сибирских стрелков-таежников стали родными и дорогими камни Севастополя, на которых соль теплого моря, так и для нас, товарищ, откуда бы мы ни были родом, стала дорогой и родной донская степь и тихая вода Дона, — мы ни на шаг не отступим!

Будем же драться, товарищ, так, чтобы жены нас не высмеяли, матери не прокляли, дети нас не стыдились; драться так, как положено за родную землю.

Чтобы Дон помутнел от поганой немецкой крови!

Чтобы каждая пядь родной земли стала могилою немцам!

Чтобы, когда спросит тебя сын после войны: «Где ты дрался, отец, летом тысяча девятьсот сорок второго года?»—смело ответить: «На Дону, сынок!» и услышать, как скажут о тебе люди: он дрался в самом горячем месте. Он ни пяди не отдал врагу.

Борис ГОРБАТОВ

(Спец. воен. корр. «Правды»).

Действующая армия.

Ислепели его! Не дай ему укрыться,
Как тень, за ним скользи по рывтинам
дорог.

Встают богатыри волоколамской битвы —
Отряд гвардейцев двадцати восьми;
Врагу противопоставил стойкости гранит он,
Бессмертья дух его, боец, прими!

Враг об него осатанелый разобьется,
Каким огнем ни бушевал бы вихрь.
Встают в грозе и в славе полководцы,
Великих предков образы твоих, —

Они с тобой, красноармеец, рядом,
На рубеже, в окопе и в степи.
И слышен голос их сквозь грохот канонады:
— Назад на шаг перед врагом
не отступи!

Разбой и смерть несет он в мирные
селенья,
И к сердцу лезет он кровавой пятерней;
Останови его! Огонь по наползающей
мишени!
Колено обрubi ему любой ценой.

Твои сады он разорил стопой железной
И выжег города, возвращенные тобой,
Перемели его на жерновах возмездья
И ненависть свою удвой! Утрой!

Из черепа он сеет смерть, как из лукошка,
Могилы бороздят его кровавые шаги,
Гадюку с жалом разлучи и уничтожь ты!
И жалом вырванным ее же обожги.

Перешиби его гудящих танков шаг,
Пусть преградят ему дорогу гнев и пламя!
Закован стонет Днепр в тяжелых кандалах.
И тихий Дон, кипя, встает над берегами.
Над золотом степей, сверкающе суров,
Он саблей заблистал казачьей;
И, бешено храпя, донские кони скачут
По жнивью вражеских разрубленных голов.

Лети волною, эскадрон за эскадроном,
Грудь распахнув ветрам и вихрям огневым;
— Да будет ненависть вожатый твой
бессонный!
— Да будет месть высоким жребием
твоим!

Враг затопил свинцом донские берега,
И степи вольные он рвется обесчестить;
Где б враг ни встретился — громи его на
месте!
Куда б он ни проник — убей врага!

Перец МАРКИШ

(Перевел С. Левман).

На что способен ОДИН ВЗВОД

Мне хочется рассказать о замечательном бое, который провел взвод стрелков из противотанковых ружей на подступах к Воронежу. В этом бою я тоже участвовал. Своими глазами видел, как героически сражались наши бойцы. Они наглядно показали, что даже взвод — сама по себе небольшая воинская единица — способен творить чудеса, когда каждый боец проникается твердой решимостью стоять насмерть, победить или умереть.

Немецкие танки плотным строем выползали из лощины. Наблюдатели насчитали до 50 машин. Дальше вести счет уже было невозможно, — лавина танков подкатывалась к переднему краю, и там уже разгорался жаркий бой.

Дружный огонь советских воинов заставил немцев отказаться от лобовой атаки. Они двинулись на левый фланг, рассчитывая найти здесь слабое место. Вся сила массированного удара пришлась на взвод старшего сержанта комсомольца Козлова.

— Спокойствие, товарищи! — крикнул Козлов. — Помните, бегством от танка не спасешься. Бейте метко. А подойдут вплотную — бросайте гранаты.

Когда танки подошли на дистанцию действительного огня, стрелки из противотанко-

вых ружей начали расстреливать немецкие машины. Они воспламенялись одна за другой. Но танков было много, очень много, и они шли напролом. По окопам и ходам сообщений немцы били из пушек, автоматчики строчили из автоматов. Немцы хотели загнать смельчаков глубоко в землю и прорваться вперед. Но наши стрелки не дрогнули. Отважный командир взвода Козлов и комсомолец Зиновьев стали на самые опасные участки. По сторонам расположились противотанковые расчеты комсомольцев старшего сержанта Кузьменко, зам. политрука Лядова и младшего сержанта Шумая.

— Умрем, но с места не сойдем! — сказали комсомольцы.

И, глядя на них, обозлились и остальные бойцы.

Головные танки уже прорывались к окопам. Одна машина неслась прямо на Кузьменко. Казалось, вот-вот она раздавит его своими гусеницами. Кузьменко ловко сбросил ружье в щель и громко крикнул:

— Гранату!

Боец Клименко сунул ему увесистую противотанковую гранату. И отважный истребитель рывком метнул ее под гусеницы. Раздался взрыв, земля посыпалась в окоп, танк содрогнулся и, уткнувшись в бруствер, остановился, оставляя за собой рубчатую ленту рва-

ной гусеницы. Из щели полетели бутылки с горючей жидкостью, и танк запылал.

Но немцы, пользуясь чудовищным превосходством в силах, рвались дальше и дальше. Вот уже их головные машины с ревом перевалили через бруствер и начали гусеницами разрушать хода сообщения, засыпая землей отважных воинов. За танками рвалась вперед немецкая пехота.

Она уж рядом, в десяти метрах. Один рывок — и в окопах начнется рукопашная схватка. Смерть смотрит в глаза воинам.

— Смелее отсекайте пехоту, — спокойно командует Зиновьев. — Не подпускайте ее к окопам.

И, охваченные боевым порывом, комсомольцы удваивают отпор врагу. Особенно энергично работают стрелки противотанковых ружей. Леско меняя огневые позиции, искусно разворачиваясь в узком окопе с ружьем, отважные стрелки Зиновьев, Козлов, Кузьменко, Лядов, Шумай отражают атаки танков с фронта и с тыла, слева и справа.

Танки уже окружили взвод храбрецов. В соседних окопах уже засели гитлеровские автоматчики. Танки утюжат окопы, пытаясь раздавить смельчаков. Убит красноармеец Клименко, ранен Зиновьев. Ранено еще несколько бойцов. Но борьба продолжается. лейтенант Зиновьев, стиснув зубы от боли, — у него сапог полон крови, — говорит бойцам:

— Выхода, товарищи, у нас нет. Будем драться до последнего вдоха, но не отступим!

И стойкость наших стрелков победила. После трехчасового боя фашисты, невзирая на превосходство своих сил, начали ослаблять натиск. По обе стороны окопов отчетливо виднелись силуэты подбитых танков.

В первом часу ночи бой закончился. В окопах подвели итоги. Уничтожено 18 немецких танков. А сколько пехоты перебито? Это трудно было сосчитать.

После короткой паузы начали подводить итоги.

— Ну, Кузьменко, сколько тут твоих танков?

— Пять.

— А у тебя, Максим?

— Три.

— А у вас, Шумай и Лядов?

— По два.

— Отлично, — сказал Козлов. — А мы с лейтенантом Зиновьевым подбили и сожгли шесть.

Так взвод бесстрашных стрелков ценой беспримерного напряжения своих физических сил и силы воли сумел одержать победу над противником, располагавшим колоссальным превосходством в силах.

Попитрук АНДРЕЕВ

Песня отпора

Опять на восток, как в июле былом,
Немецкие полчища прут напролом.
Пехота идет, по дорогам пыля,
Под танками стонет донская земля,
В станицах и селах расправы и плач,
Над пеплом пожарищ лютует палач.
Порушена хата и вырублен сад.
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Затем ли пахал ты с рассвета, с утра,
Чтоб твой урожай собрала немчура!
Затем ли ты строил дома и дворцы,
Чтоб их разрушали теперь подлецы!
Земля под ногами твоими горит.
Земля тебе шелестом трав говорит:
— Не смеет топтать меня бешеный гад!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

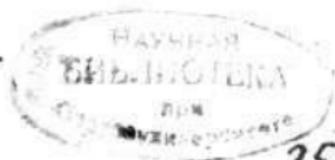
Где дрогнуло сердце, где гложет борьба,
Там плен и позорная участь раба.
Пруссак изнасилует дочь и жену,
Малютки зачахнут в немецком плену.
Разрушив твой кров, обездолив семью,

19-14-672
Твой хлеб и овцу, и корову твою
Сожрет и сведет со двора супостат.
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Навстречу железному лязгу колонн
Встань, воин и мститель, отважен, силен!
Встань, яростный, жизнь и отчизну любя!
Нет силы такой, чтоб сломила тебя.
Удар на удар и снаряд на снаряд!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Не дай им покою ни ночью, ни днем,
И танком дави и топчи их конем,
Коли их штыком и гранатой рази,
Чтоб трупы их стыли в кровавой грязи.
Тогда, истребляя их вражеский род,
Пойдешь ты к победе
На запад, вперед.

Алексей СУРКОВ

Ответств. за выпуск *Н. Богданова*

Корректор *Н. Пржевальская*

Подписано к печати 19/VIII 1942 г. НГ21890.
Тираж 10 000. Заказ № 3151. Печатн. лист. 1. Цена 15 к.

Саратов. Типография газетно-книжного издательства
Обкома ВКП(б).